

Слава отцов – просто полуостывшие угли,
Что сыновья раздувают ветрами побед,
Или горячим безумием собственной крови
Их заливают, в преданья не втиснув свой след.
У славы всегда два лица и две стати,
Не знаешь, какой обернётся она:
То мессой побалуует после распятия,
То входит без стука, а с нею – война.
Дай нам силы, Господь, выбрать зёрна из плевел!

Алексей «Крыс» Ширяев

Род и родовые отношения: о затруднениях с определением

Михаил Немцев,

социальный антрополог, философ,
редактор рубрики «Тема номера»
журнала «60 параллель»
Новосибирск,
Nemtsev.m@gmail.com,
mnmemtsev.livejournal.com

Тема этого номера «60 параллели» – родовые отношения.

Написав это, я могу сделать вид, что и мне, и читателю совершенно понятно, о чём идёт речь. А что такое «род» и «родовые отношения», если не считать их синонимом «семьи» и «семейного уклада»? За понятием «родового» скрывается особая реальность, прикосновение к которой, вроде бы, выводит к новым интересным перспективам самопонимания и возможностям для гуманитарного развития. И вообще, если существует такая особая реальность, и её влияние на устройство жизни каждого из нас существенно, хотя и скрыто, то нужно к ней отнестись внимательно. Но – что это?

К проблеме «родового» можно подойти с разных сторон.

Например, для социального исследователя, «род» — это традиционный объект внимания, исследования, концептуализации. Без исследований структур родства история социальной антропологии как науки немислима. Исследователь знает, что в современном обществе родовые отношения (кровно-родственные и семейные «по свойству») сохраняются и даже продолжают выполнять свои «традиционные» функции: организуют отношения в семье, в местном сообществе, распределяют ресурсы, власть, информацию и т.д. За этим интересно наблюдать учёному, и удивительно, что многие социологи легко соглашались считать, что «родовые» отношения относятся исключительно к компетенции этнографов. Социология семьи у нас в России есть, социологии рода нет, и это явное упрощение предмета.

Для политика «род» — это очень продуктивная тема: без отсылки к родовым связям и к кровному — самому сильному из возможных — родству не обходится ни одна националистическая идеология. При этом известно, что все нации *вырождаются*, и для них для всех увеличение рождаемости — один из первых провозглашаемых приоритетов. Это «увеличение рождаемости» достигается разными путями, но плох тот националист, который не призывает свой **народ** любимыми средствами прирастать числом. Современное государство европейского типа не может перестать быть национальным, а значит, в последнем своём основании — государством со-племенников, **родственников**, что открывает богатые возможности для мобилизационной пропаганды.

Для философа морали, род — это основа семейной жизни, человеческого «самостояния» и самодостаточности. Вне родовых связей человек не имеет основания для укоренения, для формирования связей с другими; он — космополит, одиночка, экземпляр «массового человека», обречённый на тоску по утраченным корням. Род даёт силу и моральную стойкость, «лица необщее выражение».

Для гендерного исследователя род — матрица воспроизводства гендерных стерео-

типов и социального пола вообще. Мужчина, который учится быть мужчиной, не просто учится этому у отца и ской), но встраивает себя в бесконечную цепь мужчин своего рода — он продолжатель дела и носитель духа своих дедов, прадедов, прапрадедов... Род — это матрица мужественности и женственности.

Для историка род — особый субъект трансляции знания о прошлом. Причём это прошлое состояло и из значимых событий, и в равной мере из повседневности. Это малая, «семейная история», противопоставляемая «Большой истории», до сих пор складывающейся в масштабах, несоизмерных жизни отдельного человека (индустриализация, модернизация, война, победа). Родовые связи — фактор сохранения такого знания и его основа.

Для мистика и эзотерика «род» — угрожающая сила, передаточное звено для травм и воплощённых в телесные недостатки проклятий, обид, горестей, иногда неясная метафора для ещё менее ясной «кармы»; неясным образом существующая сущность, на расстоянии связывающая людей и управляющая ими посредством этой связи, в которую иногда должен вмешаться специалист, чтобы её излечить или, по крайней мере, оптимизировать.

Для поэта, «род», «родовая честь», «родовое имя» — символ человеческого достоинства, совсем не пустые слова.

И всё же, несмотря на то, что к теме родовых отношений можно подойти со столь разных сторон, «род» редко становится предметом гуманитарного исследования. А почему бы он должен им быть? Что позволяет считать родовые отношения особой формой отношений, не сводимой к отношениям семейным? И как возможна ориентированная на род гуманитарная практика (в пределе — политика)? Попробую в статье ответить на эти вопросы.

Будем исходить из существования некоторой реальности, *воспроизводящейся через установление, осмысление и обживание кровных и семейных связей*; эта реальность феноменологически проявляется в высоком ценностном статусе

таких связей самих по себе. Они являются источником норм повседневного поведения людей, а через это формируют их самосознание и мировоззрение. И это очевидно. Но попытка содержательно определить «родовое», мне кажется, приводит к трём затруднениям, которые необходимо рассмотреть специально.

Первое. Для многих авторов и читателей журнала род — это своеобразная идеальная семья, семья согласно своей идее, продолженная в прошлое и устремлённая в будущее (большинство статей, пришедших в редакцию «по теме номера», были именно об этом: об идее семьи). Сформулирую это первичное понимание «родового» в манере Гегеля: *родовое* —

Род и родовые отношения: о затруднениях с определением

семейное, взятое в его идеальном воплощении и представленное как конкретная и транслирующая себя во времени целостность. Отдельно взятая семья, состоящая из двух или трёх-четырёх поколений — текущее, временное и преходящее, но необходимое и относительно совершенное воплощение, актуализация этой целостности. И именно поэтому семейственность — наиболее естественное состояние для человека, родового существа уже по факту рождения. Это его или её *интелексия*, целевая причина жизни и осмысленного существования. Идеальная семья возникает единожды и немыслима без производства детей, которое так и называется — «продолжение рода».

Именно этот последний пункт вызывает сомнение. Что если исходить не из прочной моногамной гетеросексуальной («нормальной») семьи как естественного состояния этого родового существа, а наоборот, признать, что именно такая семья является (пусть и сколь угодно желательным, но) *частным* и даже не для всех желательным модусом, видом организации собственной жизни? Что даже прочные семьи любящих друг друга людей расщепляются, и в будущем, когда экономических и моральных причин для вступления в брак и сохранения его будет всё меньше — в пределе, кроме любви, никаких особенных причин, а любовь иногда «почему-то» проходит? Что происходит с *так понятыми* родовыми отношениями в ситуации, когда взрослые люди воспитывают «не своих» детей и проходят на протяжении жизни сквозь несколько семей, и практикуют любовные отношения, получившие в последнее время название «серийная моногамия»? Как переплетаются при этом их родовые связи и родовые отношения? Что происходит — самое очевидное, но не самое простое — с отношениями родителей и детей, когда биологическое и социальное отцовство отделяются друг от друга, и это явление становится нормой, т.е. не воспринимается как «сбой»? Скажем, «отцов» становится двое, трое, несколько (с «материнством» это тоже произойдёт, хотя, вероятно, позже)? Когда — далее — возможны разнообразные формы семейных отношений, которые возникают быстрее, чем массовое сознание успевает осмыслить и признать¹?

И я, основываясь не только на личных наблюдениях, рискну предположить, что такую ситуацию замещения семьи «чистыми отношениями» (выражение Энтони Гидденса) следует *уже* считать онтологически первичной и более типичной, чем унаследованные массовым сознанием (в России, но не только) из прошлой эпохи модерна представления о семье, как

¹ См. старую, но классическую книгу Энтони Гидденса «Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах» (Гидденс Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах / Пер. В. Анурина. — СПб.: Питер, 2004).

они охарактеризованы выше. Современные общественные отношения позволяют самые разнообразные варианты межличностных отношений, и не только позволяют, но и массовизируют, легализуют и поощряют их. Может быть, это как-то связано с порчей нравов и массовой потерей смысла жизни... — не знаю, я бы хотел поставить только один вопрос: что происходит с родовыми связями в ситуации распада «семьи» и развитием массовых альтернативных форм близости? Естественно, при этом нужно переосмыслить и пока устоявшиеся представления о родительстве. Но для начала стоит задуматься о предстоящем обществе с непрерывно усложняющимися отношениями родовой принадлежности. Это не «безродность всечеловека», которой пугают читателей консервативные публицисты, но что-то другое.

Биологических родителей может быть только двое: мама и папа. Ну а социальных родителей? И кто те, кто меня родили, кто меня воспитали, кто меня учил — должен быть вписан в мою родословную? И что это за родословная? В материалах этого номера пойдёт речь почти исключительно о кровных родовых связях. Можно ли их совместить с генеалогиями духовными, совместить обстоятельства рождения физического и второго, духовного рождения — вопрос, насколько можно судить по опыту подготовки номера, крайне неясный.

Второе. Говорить о «родовых отношениях» не было бы большого смысла, если бы речь шла только о генеалогии. Но речь идёт о «культуре рода» (выражение **Марины Балашкиной**, см. интервью в этом номере). И тогда возникает противоречие.

...Ведь всё-таки *род* — это не семья. Род больше «семьи», хотя бы потому, что по определению включает в себя людей, актуально в числе членов семьи не числящихся, удалённых в пространстве или во времени. Кроме того, исторически «семья» — это элемент системы родовых связей, иногда очень сложной, требующей продолжительных усилий по своему пониманию; в древнейших обществах

«род» был основой для всех других социальных связей, и постепенно на структуры родства настраивались политические новообразования. Род уходил «в тень», с появлением современного государства он утратил значение фактора сословного разделения, потому что родословные больше не рассматриваются при наборе на службу (я не про клановые отношения, это другое). Зато всё важнее и важнее в жизни людей становилась *семья*.

В постсоветском обществе интерес к родовым связям возрос. Для постсоветского человека «семья» — это основная и первичная ячейка общества, фундамент ценностей и ориентиров; это естественно, потому что никаких других сообществ, к которым можно принадлежать, нет. Родство — первичное определение самого себя, но в ситуации «атомизирующегося общества» для многих и последнее. Поэтому можно удивляться, что взрыв интереса к этой тематике не произошёл; возможно, он ещё впереди. Многие люди составляют свои родословные, единицы даже делают это профессионально, т.е. формируют спрос на исследование «собственных корней». Принадлежность к политическим или культурным сообществам оказалась проблематичной. Автономные профессиональные сообщества, которые советская власть всегда душила, так и не сформировались, привилегированные сословия («служилые», как обозначил их социолог Симон Кордонский) с их круговой порукой и «чувством стаи» приняли в себя далеко не всех. Поэтому вполне понятно, что многим жителям постсоветской России в поисках групповых идентичностей не остаётся ничего иного, кроме как замкнуться в рамках своей семьи, а затем «вспомнить» о родовых связях и заняться их возрождением, т.е. (законное уточнение) *практиковани-ем*. А что такое — быть родовым существом? Человеком рода?

Вариант ответа, не единственный и не беспроблемный: это означает продолжать его историю. Но не историю цепи рождений-свадеб-смертей, что возможно и в «автоматическом режиме». По-видимому, родство лежит в основе субъективного и заинтересованного

отношения к прошлому. В духовном смысле «родовое» надо признать формой освоения и присвоения прошлого. В родовой истории именно прошлое (рода) — то, что онтологически делает возможным само его существование. И этому прошлому надо соответствовать; иначе, в этическом смысле принадлежность к роду невозможна. Прошлое рода налагает права и обязанности наследования. Быть частью рода — значит соответствовать этому статусу наследника и продолжателя; миф о родовой истории, как и другие исторические мифы, исключает тех, чьё существование и действия оскорбляют моральные чувства потомков (предателей, негодяев, но также и тех, кто ушёл из рода или не

Род и родовые отношения: о затруднениях с определением

состоялся). Поэтому история рода представляется людям как эстетически привлекательный рассказ о достойных деяниях, к которым каждый новый представитель рода потенциально причастен; а чтобы эта причастность стала действительной, надо унаследовать их достоинство, повторив достойные деяния ли хотя бы следуя определённому пути принятия жизненных решений. Есть сообщества, в которых такое следование генеалогически предустановленному пути провозглашается как норма повседневного поведения, как этика (хрестоматийный пример — русское дворянское сословие конца XIX века). Конечно, чтобы оживить собой такой миф, надо его

знать; отсюда и ценность генеалогических изысканий и знания родословной как таковой (вовсе не очевидная, например, в России того же времени для людей из низших сословий). В то же время, если история тоталитарного общества вычёркивает из прошлого людей с «неправильными» биографиями, в родовой памяти они остаются².

Тогда что, кроме мифа, остаётся мне, наследнику, от долгой цепи моих предшественников? И почему я должен этот миф считать существенно важным для себя? Несмотря на ряд продолжительных обсуждений, которые легли в основу публикуемых в этом номере интервью, я так и не вижу определённого ответа на этот вопрос. Потому что третье противоречие, о котором надо упомянуть, проблематизируя понятие «родового», — само значение кровного родства (выше об этом уже заходила речь).

...В своих известных «Речах к немецкой нации» Фихте, идеолог немецкого национализма, говорил: «Тот, кто верит в духовность и желает бесконечного развития этой духовности через свободу, где бы он ни родился и на каком бы языке не говорил — нашего рода [*Geschlecht*]; он — один из нас и перейдёт на нашу сторону»³. Под «родом» он, очевидно, имеет в виду сообщество идеалистов свободы, но не родственников. Только ли метафора это? Или же в самой идее родства укрыто противоречие единства предполагаемого и единства достигаемого, обретаемого? Свой подлинный род нужно обрести, возможно, ценой разрыва связи с родом «по рождению»⁴. Нужно уйти из дома, чтобы встретить «своих».

«Родной человек» говорят о близком человеке, в идеальном случае род и объединяет таких близких людей. Но как быть в тех случаях, когда «родными» оказываются дальние, а неблизкие?

² Тема знаменитого фильма Т. Абуладзе «Покаяние» (1984) и менее известного фильма А. Пороховщикова «Цензура к памяти не допускаю» (1991).

³ Цит. по: Деррида Ж. *Geschlecht II: рука Хайдеггера // Хайдеггер М. Что зовётся мышлением?* / Пер. Э. Сагетдинова. — М.: Академический проект, 2007. — с. 293.

⁴ Очевидная евангельская параллель: Мф 10: 34-37; Лк 9:58-62.

Телесное родство может оказаться несоместимым с родством духовным⁵.

Здесь напрашивается общесоциологическое суждение, что история преодоления «родовых» связей в пользу связей духовных — просто проявление общего правила, которому следует история человечества: связи становятся всё более удалёнными, родство имеет всё меньшую власть над людьми, зато членство в многообразных сообществах, основанных на общности мировоззрения (церкви и религиозные движения, партии, коммуны) приобретает всё большее значение. И что происходит с родовыми отношениями в такой ситуации? В современном «модернизированном» обществе они становятся основой такого же типа добровольно избираемого сообщества. *Вопрос в том, как обеспечить сохранение и актуализацию такого типа сообщества, как род, уже в качестве одной из возможных самоидентификаций и групповых идентичностей, которые может нести современный постсоветский человек (выходя при этом из своего «пост-советского» состояния).* И тут следует исходить из простого соображения: чем больше таких групповых идентичностей формируется, тем объёмнее жизненная сфера, и тем сложнее и человекообразнее наша повседневная жизнь. Поскольку род — структура глубинная и универсальная, гуманитарная работа по развитию групповых идентичностей не может оставаться безразличной к родовому.

Это касается и работы по освоению и «возвращению» истории. Как сказано, родовые связи обуславливают особый интерес к прошлому: движение и присвоение прошлого. Как представитель своего рода я вступаю в отношения с прошлым своей семьи и многочисленными малыми группами, буквально — семьями, которые, не зная друг о друге, совместными усилиями сделали возможным моё появление (и так вообще, «большое» прошлое оказывается

⁵ Как Эдуард Багрицкий писал в стихотворении «Происхождение»: «— Отверженный! / Возьми свой скарб убогий, / Проклятые и презренные! / Уходи! / — Я покидаю старую кровать: / — Уйди? / Уйду! / Тем лучше! / Наплевать!»

«прошито» межличностными связями и «очеловечено»). Как представитель своего народа и своей нации я вступаю в отношения с прошлым этого большого целого, но исходя из опыта переживания множества «малых прошлых». Так что если нарисовать структуру исторической памяти, то родовая память окажется в её середине, в «сердце», в силу её чувственно-эмоциональной близости к непосредственному опыту семейной близости. Правда, во многих случаях при этом сердцевиной исторической памяти оказывается травма⁶; это не что иное, как *наследие* многообразной политики советской власти по насильственному устранению целых социальных и этнических групп. Но, видимо, без обращения к этому травматическому опыту не обойтись. До сих пор работа по пониманию и зашиванию травматических разрывов родовой истории сама собой происходит во множестве семей, которые восстанавливают собственную историю, переосмысливают место и роль своих прошлых представителей в истории своего общества, своей нации. *Что требуется теперь — это формирование гуманитарных практик отношения к «роду» как искусственному (ненатуральному) образованию⁷, конструируемой идентичности, форме совместного существования, проектируемой групповой идентичности.* Отдельные опыты такого конструирования собственного рода есть, и их надо изучать⁸. В номере мы пробуем оценить полезный для этого теоретический и практический опыт и оценить перспективы такой деятельности.

⁶ См.: Травма: пункты. Сборник статей / Сост. С. Ушакин, Е. Трубина. — М.: НЛО, 2009.

⁷ Под «искусственным» здесь имеется в виду то, что произведено с осознанным намерением, и потому противопоставлено «естественному», само собой сложившемуся, и потому природному. Род в посттрадиционном обществе — это проект.

⁸ Обратите внимание, например, на серию интервью с представителями различных родов-династий, подготовленных для «60 параллели» Мариной Балашкиной (рубрика «Интервью номера»: <http://www.journal.60parallel.org/ru/topics/r/24>).